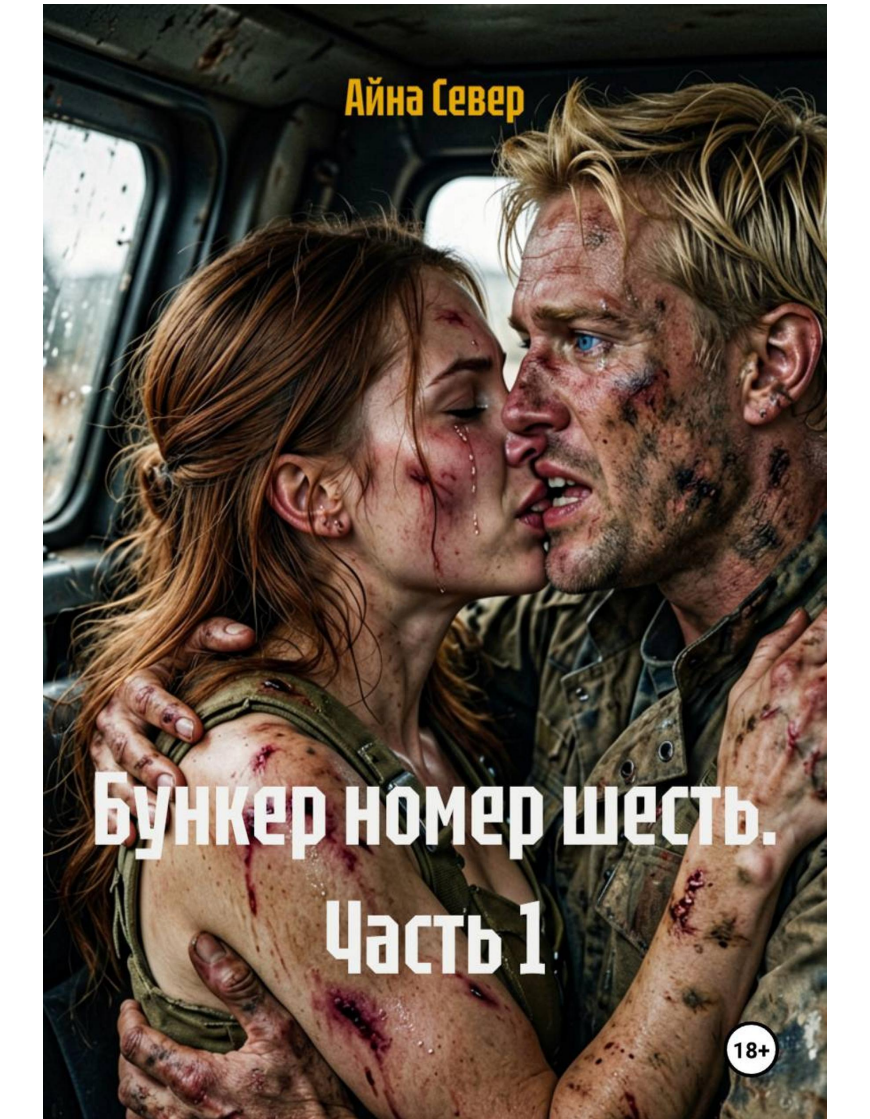

A man and a woman are shown in a close embrace, kissing. They are both heavily injured, with visible blood on their faces and bodies. The man has a bloody nose and a wound on his forehead. The woman has a bloody forehead and a large wound on her shoulder. They are inside a vehicle, possibly a tank or a bunker, with a window visible in the background.

Айна Север

Бункер номер шесть.
Часть 1

18+

Айна Север

Бункер номер шесть. Часть 1

<https://litres.ru/74307797>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир рухнул в одночасье. Зомби бродят по улицам, но настоящая угроза — не они.

Кира теряет всё: власть, свободу, сына. Её единственный шанс — загадочный американец Стивен, который ищет «Ангелов».

Вместе они проходят через пиратские бункеры, захваченный скинхедами район Москвы, мигрантский анклав и заброшенный завод, где прячут нечеловеческое оружие. Древние мифические существа — перитоны — и портал в иную реальность открывают Кире правду: катастрофа была лишь началом войны между теми, кто сохранил душу, и теми, кто потерял человеческий облик

Содержание

Глава 1. Кира	4
Глава 2. Новая жизнь	11
Глава 3. Начало катастрофы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Айна Север Бункер номер шесть. Часть 1

Глава 1. Кира

Кира жила и работала в Москве, хотя город не был для неё родным. Родители несколько раз меняли регион из-за профессии отца. Кира сформировалась как личность на севере, а потом семья переехала в московский регион. Впрочем, и там они надолго не задержались — вскоре отправились в провинцию, а точнее, в Костромскую область.

Кира осталась в Москве. Училась, работала, пока не встретила будущего мужа. Ей было двадцать семь, и она утонула в этих отношениях — с самыми серьёзными намерениями. К несчастью, муж оказался лгуном, пьяницей, изменником и тунеядцем. Всё это открылось на второй день после свадьбы.

Это был сложный период. Нельзя просто переключиться с эйфории на отчаяние и разочарование. Социальные уста-

новки не помогали разобраться с недоразумением быстро — но Кира ушла не сразу, хотя и довольно скоро для такой ситуации.

Сразу после свадьбы она забеременела. Документы на развод уже подали, но Кира решила: этого ребёнка она хочет и любит всем сердцем. Было страшно, непонятно, как строить жизнь дальше. Страхи оказались не напрасны.

Мальчик рождался тяжело. Кира и малыш чуть не погибли — врачебная халатность. С трудом восстановившись, она растила сына одна. Константин — она выбрала для него красивое имя — в детстве часто болел. Скорая приезжала чуть ли не каждую неделю, увозила их в больницу.

Карьеру пришлось оставить. Какая работа, когда ношу несёшь еле-еле? Однажды, когда Косте было около месяца, их снова увезли в реанимацию. Врачи не могли понять, почему малыш плачет без остановки сутками.

Тогда Кира позвонила отцу — очень религиозному человеку. Слушая его инструкции по телефону, она покрестила сына прямо в палате, боясь, что до настоящего крещения он не доживёт.

Костя справился. Наверное, проблемы были связаны с

тем, как он появился на свет. Кире стало совсем тяжело, и она решила: надо ехать к родителям. Перспектива вернуться под отцовское крыло не радовала: он был консерватором до мозга костей, это всегда тяготило дочь. К тому же ехать предстояло в провинциальный городок, где Кира никогда не жила — только навещала родителей по выходным. Не было ни знакомых, ни друзей, всё было чуждо, кроме, конечно, родителей.

Но блудный сын когда-то тоже не имел альтернатив. Кира поехала.

Адаптация на новом месте далась тяжело. Нужно было привыкнуть к местным «правилам», к формату общения. Для одних это легче, для других — стресс. Приехать в провинцию разведённой дамой, да ещё с ребёнком — определённое клеймо. К своим разведённым местные относились с пониманием, но приезжей женщине с таким статусом приходилось завоёвывать уважение.

Кира вырвалась из-под отцовских ограничений в семнадцать. Сразу начала жить иначе — свободно, стихийно, импульсивно, но по сути пусто и бессмысленно. Была ли у неё когда-то ясная цель? Скорее нет. Она словно неслась по течению, не всегда приветливому, всё искала опору в людях — и неизбежно натыкалась на разочарования и предательства.

В Москву Кира поступила, чтобы съехать от родителей. Обычный ВУЗ, стандартный факультет — о профориентации тогда никто не знал, да и не было это в стране популяризировано. Главное — на бюджет. И ей удалось.

Москва начала нулевых приютила множество таких, как Кира. Все они дружно неслись по бесцельному течению.

Рождение сына привнесло в её жизнь смысл, ответственность, любовь — и одновременно осознанность, пробивавшуюся сквозь тяжёлые депрессии. Именно став матерью, Кира впервые познала свои тёмные стороны, например, ранее не ведомый испепеляющий гнев. Отчасти он был реакцией на «неудачную» личную жизнь, материальные проблемы и болезни ребёнка, но, скорее всего, зародился он в её душе намного раньше.

Адаптация к новым условиям шла болезненно. Но выбора не было. Киру давило всё: грубоватая манера общения местных, контроль отца, материальная зависимость, невозможность спорить о воспитании сына и — самое страшное — отсутствие какого бы то ни было понимания, что ждёт впереди.

Время шло. Кира устроилась к местному работодателю. Получала в месяц столько, сколько раньше зарабатывала за

неделю. Но и это было счастьем.

Сын подрастал. Родители помогали. А Кира по ночам мечтала вырваться — как когда-то в семнадцать. Она представляла, как уедет, начнёт всё сначала... но сына оставить на родителей не могла и не хотела. Видеть, как он растёт, знать, что он успокаивается, когда мама берёт его маленькую пухлую ладошку, — это было дороже любых материальных благ и чувства независимости.

Кто-то советовал: «Поезжай в Москву, заработай, устройся, потом заберёшь Костю». Кира понимала: такой поступок равносителен предательству. Она была на это не готова. Можно предать кого угодно, но не сына.

Её позиция не облегчала жизнь. Положение не устраивало Киру абсолютно. Местный социум так и не принял её — она была немного иной, а это в провинции не приветствуется. Кира иначе говорила, иначе мыслила, была развитой, свобододолюбивой. Но это никому не было интересно, скорее вызывало антипатию.

Иногда тоска поглощала её настолько, что она тихо рыдала в подушку, стараясь не разбудить сына. Сквозь зубы шептала: «Мне даже не с кем поговорить. Мне одиноко. Измени это! Измени...»

Наступало утро. Жизнь шла своим чередом.

Месяцы одиночества перешли в годы. Когда Костя подрос, Кира решилась на переезд — не в Москву, а в область, в столицу региона. После городка с двадцатью тысячами жителей это казалось большим прорывом и смелым шагом. Москва, кстати, никогда не была ей близка — в отличие от северной столицы.

Отец с трудом дал благословение, помог выбрать съёмную квартиру.

Кира начала искать новую работу, детский сад, поликлинику, купила необходимые вещи. Впервые она почувствовала себя почти счастливой. Вопросы решались быстро. Оставалось только устроиться на работу.

Она нашла самую высокооплачиваемую вакансию в городе. Собеседование проходило в несколько этапов: кадровик, руководители, директор. Кира каждый раз заново рассказывала о своём опыте, была честна и открыта. Старалась изо всех сил. Сфера была ей незнакома, но её приняли.

Для неё это стало большой радостью. Кира уже подсчитывала, сколько накопит за полгода. После провинциальной

изоляции и ограничений хотелось всего: новой одежды, гаджетов, поездки с сыном на море...

Она не знала, что всё это очень скоро перестанет иметь значение.

Глава 2. Новая жизнь

Огромное старинное здание из красного кирпича вросло мощным фундаментом в землю. Текстильная мануфактура, доставшаяся городу от Советского Союза, продолжала работать — теперь это был не государственный гигант, а частный бизнес по пошиву брендовой детской одежды. Четыре этажа вмещали цеха, кабинеты, переговорные и много-много людей. Здание, напоминавшее зловещее мифическое существо, стало для Киры новым местом работы.

— Доброе утро, — поприветствовала Кира куратора, придя на работу заранее.

Как всегда, ответа не последовало. Кира пожала плечами и села за своё место.

Куратора звали Настя. Она была недоброжелательной, дёрганной, неотёсанной женщиной. Хотя они с Кирой были ровесницами, по характеру и темпераменту Анастасия воспринималась куда старше. В корпорации она проработала уже тринадцать лет. А дедовщина, как известно, дело святое.

Так уж заведено в России: придя в любое учреждение, ты

должен пройти проверку на вшивость. Потерпеть унижения, жестокость, токсичность, изоляцию...

Процесс осложнялся колоссальной загруженностью персонала. Настя неохотно объясняла всё на бегу, по сути игнорируя вопросы. В голове у новой сотрудницы формировалась полнейшая каша. Кира нервничала. Ей приходилось буквально ловить каждое слово наставницы, записывать обрывки фраз в блокнот в надежде, что позже, с толком и расстановкой, получится хоть что-то понять. Но, как правило, выходило слабо.

Кира не была глупой или ленивой. Просто внутренние процессы компании не были прописаны в открытых источниках — их могли передать только люди.

Киру быстро начали привлекать к ежедневным планеркам и собраниям. Взяли её на руководящую должность, предполагавшую глубокие знания и вовлечённость. Но первые две недели она не могла ни уловить суть обсуждаемых вопросов, ни дать внятный ответ. Коллегам на это было глубоко наплевать. На неё смотрели как на дуру и продолжали требовать ответов, которых у Киры не было.

Ей казалось, что она участник плохого спектакля. Как человек, только пришедший в компанию, может дать развёр-

нутый ответ по всевозможным вопросам?

Кире стало «против шерсти» всё происходящее. Ни за какие деньги она не была согласна выглядеть глупой — не без помощи новых коллег. Она знала себе цену, знала, что прекрасно умеет выполнять рабочие задачи и в столичной компании успешно справлялась. Она успокаивала себя: «Нужно просто больше времени, я со всем справлюсь. Потом буду вспоминать и смеяться...» — но послевкусие после отработанного дня оставалось противным.

Спустя ещё пару недель общий руководитель Киры и Насти, Ольга Ивановна, начала демонстрировать недовольство тем, как Кира ведёт процессы. Точнее, не ведёт их в полной мере. Ольга Ивановна была на три года моложе Киры, но обращаться к ней полагалось по имени-отчеству — видимо, отголоски советского прошлого незримо влияли на эго современного человека.

Недовольство начальницы обычно было публичным и происходило на общих собраниях. Это демотивировало Киру. Ей было стыдно перед коллегами и перед собой. В то же время её раздражала безвыходность положения: единственный способ научиться — набить собственные шишки на практике, что требовало времени и терпения руководства. Но за эти «шишки» приходилось расплачиваться достоин-

ством — опустив голову, слушать унижения в присутствии всех.

Как-то Кира попыталась оправдаться, что куратор не выделяет время на обучение. Это проигнорировали, но теперь она стала вдобавок стукачкой. Хорошего в этом было мало.

Очень быстро Киру вынудили перерабатывать, задерживаться и выходить в выходные — о чём не было и речи при приёме на работу. Череду бесконечных «надо срочно» не прекращалась.

Кира начала переживать за сына. Ей было невыносимо сидеть на совещаниях, зная, что Костя уже ждёт её у ограды детского сада. От этого накрывала тоска и усталость. На собраниях она всё чаще думала: стоит ли это таких усилий? Тринадцать-четырнадцать часов работы, никакой личной жизни, времени, и хотя бы капля уважения?

Кире совсем не нравилось то, что она получила, будучи хорошим специалистом.

Она продержалась в компании около трёх месяцев. За это время превратилась в выжатый грустный лимон — не только снаружи, но и внутри. Она решила уволиться и искать место спокойнее.

Как только Кира оповестила отдел кадров, её вызвала Ольга Ивановна.

— Ты что собралась уходить? Почему? — спросила начальница с недовольным лицом и некоторым отвращением.

Кира постаралась ответить как можно дружелюбнее и аргументировать решение. Разговор вышел напряжённым. Уговаривать остаться Ольга Ивановна не стала. Принцип компании — незаменимых нет, а у Киры всё равно успешной работы не случилось, так что начальница дала понять: они ничего не теряют с её уходом.

В последний рабочий день с Киры сняли обязательства участвовать в совещаниях. Она просто сидела за столом, пока не прозвенел звонок, означавший конец рабочего дня. Заветные вертушки на проходной снова заработали, и Кира в последний раз вышла из старого здания из красного кирпича — с ощущением поражения, но верой в лучшее.

Перед Кирой числился большой долг: зарплату за два месяца ей ещё не выплатили. Она была спокойна — заработала неплохо и сможет оплатить аренду хотя бы на месяц.

Прошло два месяца. Зарплату Кира так и не увидела. Ра-

ботодатель перечислил лишь малую часть. Пробыться к людям в корпорации было невозможно — турникеты закрыты. Хоть стой и лови их после работы. Кира попала в затруднительное финансовое положение. Плюс это было просто неприятно, по-человечески.

Через неделю после ухода она нашла новую работу — в странной компании, у директора-самодура. Но он платил относительно сносно и отпускал на больничные с ребёнком. Кира уставала от его «тараканов», идей, забывчивости и странных поручений, но нужно было зарабатывать на жизнь.

Иногда директор приезжал и рассказывал дурацкие и совершенно несмешные истории. Кира вынужденно улыбалась. Когда же составлялась смета для заказчика, он кричал на неё, если обнаруживалась ошибка — как правило, из-за некорректных данных, которые предоставлял он сам.

И всё же для Киры это было немного лучше: она могла больше времени проводить с Костей. Директора звали Илья Владимирович.

Лето сменилось осенью. Заканчивался промозглый октябрь — совсем не снежный, а тепло-грязный и противный. Хотелось, чтобы снег поскорее прикрыл уродство улиц и дорог, которые давили на психику, поглощая радость.

Кира часто думала, идя утром от остановки до работы, что живёт она в очень скверном регионе. Она представляла, как какой-нибудь англичанин Томас в модном пиджаке едет на красивом велосипеде по выложенной плитке, улыбается, покупает кофе в стаканчике из экокартона — весёлый и счастливый. А норвежец Халлвард проходит мимо красивых зданий, неторопливо перемещаясь по чистой улице, здоровается с продавцом булочной...

Кира посмотрела на свои ботинки — они были в грязи, джинсы по колено забрызганы. Это Костя утром её забрызгал, когда она вела его в детский сад. Вся дорога была в лужах, а его маленькие ноги в резиновых сапогах ещё не могли их переступить. Кира отметила: сегодня он не сильно старался это исправить. Теперь ей придётся быстро отмывать брызги.

Она подошла к зебре и начала переходить. Проезжающий водитель не только не уступил дорогу — что, надо сказать, было обычным делом, — но и не сбавил скорость. Он проехал буквально в десяти сантиметрах и окатил грязью её пальто.

Кира не сдержалась:

— Дурацкий город! Дурацкая осень! Дурацкие люди!

Придя на работу, она достала влажные салфетки и начала чистить обувь и одежду. Затем подмела офис — грязь валялась кусками то там, то тут.

Кира размышляла, глядя в монитор: доживёт ли она до того времени, когда удручающие хрущёвки исчезнут с улиц её страны? Конечно же, нет. Эти дома, похожие на монстров, которые жрут злых и несчастных людей, будут «радовать» её до конца жизни. Не иначе.

Настроение в то утро было гнетущим. Директора в офисе не ждали, и это казалось облегчением. Кира налила себе растворимый кофе и снова села за компьютер.

Глава 3. Начало катастрофы

В запасный выход офиса кто-то начал громко и отчаянно стучать. Кира вышла из кабинета, посмотрела на монитор с камерами — и удивилась. Это был Илья Владимирович.

«Какая муха его укусила?» — пробубнила она, идя открывать дверь.

Директор был сам не свой. Кира смутилась, неуверенно зашагала обратно, но он остановил её:

— Кира Сергеевна, вы что-нибудь слышали по новостям?

— Что, например? — удивилась она.

Директора трясло. Кире становилось жутковато. Она переспросила громче, пытаясь вернуть его в сознание:

— Что-то случилось?

Он выдохнул и произнёс:

— Американцы распылили над несколькими нашими ре-

гионами биологическое оружие.

Кира остолбенела. Директор продолжил:

— У меня большие связи в городе, мне сообщили. Я давно слышал слухи о диверсиях, политическая ситуация сложная... но сейчас всё серьёзно.

Он был настолько потерян, что Кира заметила зарождающуюся панику.

— А что это распыление делает? — спросила она первое, что пришло в голову.

Директор ответил, уже немного собравшись:

— Вы фильмы про зомби когда-нибудь видели?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.